

- И.А. Британские конституционные реформы: учреждение региональных органов власти. [Электронный ресурс]: Представительная власть XXI век: законодательство, комментарии, проблемы – Электрон. дан. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pvlast.ru/archive/index.49.php>; Громько Ал. Тони Блэр: десять лет во главе Британии [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: www.gromyko.ru.
3. Коданева С.И. Британский регионализм. Конституционная реформа. М., 2004. С. 11.
4. Шавалеева Э.Н. Реформирование конституционного строя Великобритании (1997 – 2006 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2006. С. 31.
5. Government Of Wales Act 1998 / Акт о создании национальной Ассамблеи Уэльса 1998 [Электронный ресурс] / Сайт Ее Величества. – Электрон. дан. – Лондон, 1998. – Режим доступа: <http://www.wales.gov.uk>, свободный;
6. Тишков В.А. О нации и национализме // Вопросы философии. 1996. №7.
7. Строев С.А. Нация и национализм – Электрон. Дан. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dialogs.org.ua/crossroad_full; Тишков В.А. О нации и национализме // Вопросы философии. 1996 №7; Марченко Г.И. Национализм // Национальные отношения: Словарь. М., 1997; Мухаметшина Н.С. Современные методологические и теоретические подходы к феномену национализма // Социология и социальная работа. 2003. № 3.
8. Орлова А.А. Национальное возрождение Уэльса: культурно-исторический ракурс // Запад, восток и Россия: национально-культурная идентичность в историческом контексте: Вопросы всеобщей истории. Вып. 10. Екатеринбург, 2008. С. 190-198.
9. Тишков В.А., Шнирельман А.В. Введение // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 7.
10. Смит Э. Национализм и модернизм. М., 2004. С. 105.
11. Уэльс откалывается от Великобритании / Новый Регион.ru – Электрон. Дан. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nr2.ru/inworld/117625.html>; Воскобойников Д. Красный дракон страны нарциссов // Эхо планеты. 1992, №12; Вершинин Л. Возвращение государя / Газета «Вести». – Электрон. дан. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.geocities.com/iv_site/200310_wales.html; Ашерсон Н. Когда же существовала Британия? – Электрон. дан. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://if.russ.ru/issue/8/20020225%20nil.html>, свободный.
12. Welsh Language Act 1993 [Электронный ресурс] / Акт по изменению статуса валлийского языка. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.opsi.gov.uk/ACTS/acts1993>, свободный.

**Побережников И.В.
(Екатеринбург)**

Традиция в контексте модернизации

(теоретико-методологические аспекты)

Культура выполняет важнейшие социальные функции, в частности, такие как обеспечение непрерывности, преемственности, эстафетности в общественном развитии, создание условий для социальной интеграции, формирование мотивационных механизмов для разнообразных типов человеческой деятельности. Можно утверждать, что культура пронизывает все человеческое поведение и мышление, все социальные отношения. Верно также и то, что социальные отношения имеют культурную природу. Данное обстоятельство актуализирует проблему функционирования культуры в условиях модернизации. Понятно, что в процессе модернизации подвергается трансформации сама культура. Но не менее важен вопрос о готовности культуры (культуры как предмодерного, так и модерного общества) к изменениям.

В связи с разнообразием традиционных обществ можно говорить о культурах с разным уровнем готовности к инновациям. Интересная попытка дифференциации традиционных культур была предложена Д. Эптером (1). Последний предложил различать два типа традиционализма, традиционных культур. Первый тип получил наименование инструментальной культуры, второй — консамматорной. Д. Эптер возводит предлагаемые концепты к категориям «когнитивно-инструментальные» и «экспрессивно-интегративные ценности», выделенным Т. Парсонсом.

«Инструментальным» системам присущи значительные сектора промежуточных задач, отделенных и независимых от конечных целей. «Консамматорные» же системы характеризуются тесными взаимоотношениями между промежуточными и конечными целями. В консамматорных системах с их всеобъемлющей связанностью, интегративностью любое изменение радикально трансформирует ритуалы, принятые социальные практики, формы социальной стратификации, властные отношения, религиозные обряды, связанные собственно с предметом новации, что не позволяет трактовать нововведение ограниченно, например, только в терминах увеличения эффективности соответствующего типа деятельности. В рамках инструментальной системы, напротив, инновация будет рассматриваться в терминах ее полезности, эффективности; ее внедрение не будет оказывать далеко идущих воздействий на конечные цели системы (соответственно, новшество не будет

представлять угрозу для системы в целом; напротив, более вероятно, что новшество будет способствовать усилению системы).

К инструментальным системам относятся те, которые могут легко вводить инновации, распространяя покровы традиции непосредственно на изменение. Типичным примером инструментальных систем Эптер считает военизированные системы с иерархической организацией власти, исходящей от авторитарного лидера (авторитарно-командные системы). Для таких обществ характерна ориентация руководителей на исполнительность и эффективность. В подобных обществах религия обладает вторичным статусом по отношению к государству и государю.

Консамматорные системы отличаются гораздо большей сложностью. В них общество, государство, власть и пр. социальные компоненты выступают частями тщательно поддерживающейся, высокоинтегрированной системы, в рамках которой религия является руководящим познавательным ориентиром. Такие системы обычно враждебны инновациям. Изменения приводят к фундаментальным социальным переворотам в консамматорных системах.

Для ранней (классической) школы модернизации было присуще несколько упрощенное понимание перехода от традиционного к индустриальному обществу. Целью модернизации объявлялось приближение к характеристикам экономически развитых и относительно стабильных наций (подразумевались США и развитые страны Западной Европы). Сущность модернизации сводилась, таким образом, к имитации и переносу западных моделей, товаров и технологий в менее развитые страны. Соответственно, модернизация рассматривалась как процесс гомогенизации сообщества, порождающий тенденции и импульсы к конвергенции. Ранней парадигме модернизации было присуще жесткое противопоставление традиционного и рационального экономического поведения, отношение к традиционным институтам и обычаям как к препятствиям развития общества. Модернизация трактовалась как процесс трансформации, подрывающий и вытесняющий традиции, в том числе традиционные формы общежития (семья, сельское сообщество). Традиция рассматривалась как архаичное, отмирающее явление, неспособное противостоять современным формам жизни и вступать с ними в симбиоз. При этом традиция характеризовалась как застывшая, статичная форма, динамика которой может быть вызвана только внешними обстоятельствами и вопреки природе самого

традиционного общества. По словам С. Хантингтона, «современность» и «традиция» рассматривались представителями ранней школы модернизации как асимметричные понятия.

Уже в 1960-е гг. построения представителей ранней школы модернизации стали подвергаться критике с разных теоретических и идеологических позиций. Принципиально изменилось вообще отношение к традиции, которая стала рассматриваться в качестве неотъемлемого элемента любой социальной структуры — как социальной организации в целом (в независимости от того, принадлежит она традиционному или современному обществу), так и ее каждого отдельного элемента (С. Эйзенштадт). Так, Э. Шилз отмечал, что «между механизмами устойчивости и механизмами изменения нет абсолютного различия. Устойчивость есть в самом изменении и вокруг него, и механизмы изменения требуют также действия механизмов устойчивости; без этого инновация бы поблекла и мог бы произойти возврат к прежнему состоянию».

Постепенно приходило осознание того, что в модернизирующихся обществах существует множество взаимосвязей между традиционностью и современностью в социальной, экономической, политической сферах. Мишенью критики стал тезис о несовместимости традиции и модернизации. Прежнее убеждение о неизбежной конфликтности между традицией и инновацией в свете новых данных стало выглядеть абстрактным и не подтверждаемым фактами. Оппоненты сделали попытку более внимательно и глубоко проанализировать сами эти традиции.

Дж.Р. Гасфилд одним из первых подверг сомнению тезис о том, что традиционная культура являлась якобы согласованной, жестко интегрированной системой норм и ценностей. Было отмечено, что традиции в странах, движущихся по пути модернизации, отнюдь не представляют собой набора однородных и гармоничных ценностей, напротив, они являются гетерогенными. Р. Редфилд предложил различать «большую» (ценности элиты) и «малую» (ценности масс) традиции. По мнению автора, эти две традиции имеют существенные различия: если большая традиция культивируется в школах и храмах, то малая вырабатывается и поддерживается жизнью людей необразованных в их деревенских общинах; если первая культивируется и наследуется сознательно, то вторая скорее принимается как данность и в слабой степени подвергается анализу или совершенствованию. Вместе с тем, Редфилд отметил

взаимодействие и взаимозависимость, существующие между большой и малой традициями: «Большую и малую традиции можно представить в виде двух потоков мысли и действия, отличных друг от друга и вместе с тем впадающих один в другой и вытекающих один из другого». К схожим выводам пришел и Эйзенштадт, утверждавший, что общества «макросоциетального порядка» обычно обладают «несколькими различными видами и уровнями организации» и, как правило, не организованы в одну систему; благодаря относительной автономности различные аспекты социальной организации изменяются в разной степени и различным образом. Было отмечено, что доиндустриальные общества характеризуются не только культурной неоднородностью, но и конфликтностью. Общества прошлого отнюдь не были мирными и стабильными, они постоянно сотрясались крестьянскими восстаниями, национальными движениями, религиозными войнами. В качестве ложного был признан прежний тезис о традиционном сообществе как гомогенной социальной структуре.

Вызвало возражения однозначное представление о традициях как факторе, препятствующем модернизации. Ряд исследователей обратил внимание на то, что традиции могут быть в высшей степени полезными и конструктивными в процессе модернизации. Открытием стало то, что традиционные структуры могут обеспечивать умениями, навыками; традиционные ценности могут быть приспособлены в качестве источников легитимизации при достижении определенных новых целей в процессах модернизации. Так, например, в Японии симбиоз «феодализма» и индустриального развития содействовал быстрому экономическому росту. Успехам ранней индустриализации в Японии способствовала сохранившаяся в основном традиционная семейная система, в частности подчинение власти отца; преданность императору и семье, коллективизм и низкая вертикальная мобильность стали факторами, которые поддерживали социальные и экономические изменения в Японии, обеспечивая стабильность трудовых коллективов и рост производительности труда. По мнению японского профессора А. Китахары, в послевоенный период в Японии именно община, обладавшая высокой солидарностью, явилась тем инструментом, посредством которого японцы успешно добивались реализации новых демократических целей государства в условиях, когда еще не сформировался индивид и не сложилось гражданское общество.

Получила развитие концепция так называемых переходных систем (модель парциальной или частичной модернизации), причудливо сочетающих элементы традиции и современности и вполне жизнеспособных. Было признано, что в развитии переходных систем присутствует своя собственная логика, обусловленная в значительной степени традициями, что переходным обществам присуща способность к реорганизации и непрерывности, разработке собственной внешней и внутренней политики, обеспечивающей их жизнедеятельность (2).

Оригинальную трактовку места традиции в контексте модернизации предложил шведский исследователь Й. Форнюс. Обсуждая проблемы модерна, Й. Форнюс ставит очень важный вопрос о взаимодействии между непрерывностью, преемственностью и изменением, которое представляется ему весьма сложным. Процессы модернизации, по его мнению, лишь иногда проявляются как ясно видимые, очевидные сдвиги, но гораздо чаще они выступают как медленная и едва заметная эрозия традиционных структур.

Целостная дихотомия стабильности VS изменений должна быть, по мнению Форнюса, подвергнута декомпозиции. Он настаивает на недостаточности лишь двух крайних полюсов для понимания исторических процессов. Эпоха модерна не может состоять только из твердых, устойчивых структур или, напротив, из быстрых, случайных изменений. Как считает исследователь, возможно различие по крайней мере четырех типов различных исторических процессов. Это, во-первых, устойчивые структуры; во-вторых, быстрые, непредсказуемые случайные события; в-третьих, волнообразные периодические циклы, вызываемые, например, регулярными сменами поколений или циклическими кривыми капиталистической экономики, и, наконец, в-четвертых, собственно направленные, векторные процессы модернизации.

В классической теории модернизации проблема традиций рассматривалась преимущественно в контексте перехода от традиционного к современному обществу, претерпев при этом определенную эволюцию — от негативного отношения к традиции как препятствию для модернизационных трансформаций к более сложному отношению, допускающему участие традиции в процессах перехода в качестве дополнительного стимулирующего или стабилизирующего механизма. Форнюс развивает концепцию

модернизации, обращаясь к проблеме роли и места традиций в контексте самого модерна.

Он обращает внимание на приобретение модернистами собственных традиций, а также на тот факт, что большинство традиций изменяется, пускай медленно и незаметно. Он говорит о длительной исторической традиции модернистов, а также о модернистах традиций в существующих сегодня обществах.

В связи с этим идея, согласно которой модернисты имеют отношение только к новому и изменяющемуся, кажется исследователю только полуправдой. Модернизация касается изменений, которые являются сравнительно устойчивыми. Это, по Форнюсу, набор исторических процессов, в совокупности формирующих специфическую временную логику фундаментальных трансформаций в развитии социальных, культурных и психологических образцов (паттернов). «Модернизм, — пишет автор, — стимулирует длительный (продолжительный, стойкий) опыт быстрых временных сдвигов, но такое обобщенное понимание трансформаций действительно отвечает требованиям модерна, когда эти сдвиги структурно подчинены определенной логике развития. Многие исторические периоды разрывов продуцировали подобные культурные признаки открытости, незащищенности и саморефлексии. Это может быть вызвано случайными событиями, или циклическими колебаниями, или другими структурными изменениями, а не обязательно связью с модернизмом. Модернизация только усиливает, делает постоянными и распространяет эти черты в расширяющихся масштабах».

Еще одна проблема, связанная с дихотомией изменения и устойчивости, заключается в чрезмерном упрощении самого процесса модернизации. Здесь Форнюс касается вопроса о необратимости процессов модернизации. Он убежден, что модернизм означает лишь тот тип исторических преобразований, которые направлены и не могут быть прерваны, не могут быть легко отменены или полностью изменены. Не существует, по мнению Форнюса, никакого пути назад, к предмодерному состоянию. В качестве примера исследователь ссылается на процессы дифференциации — «если люди приняли дифференциацию между эстетическими формами выражения в искусстве и нормативными инструкциями в законе, то реакционные фундаменталисты или ностальгирующие романтики могут попытаться вновь смешать их, но маловероятно, что эти сферы снова

могут на устойчивой основе превратиться в некое недифференцированное целое. Каждый будет способен думать о красоте и справедливости как о двух отдельных измерениях, хотя, может быть, и было бы привлекательно попробовать воссоединить их».

Форнюс признает, что определенные достижения модерна могут со временем исчезать. В то время как рост государства всеобщего благоденствия следовал из определенной стадии модернизации, предпринятое в настоящее время разрушение его неолиберализмом должно быть понято не как демодернизация, но как (разрушительный) ответ на недавние кризисные явления modernity. Фундаменталистские течения в рамках христианства и ислама действуют против современных культурных тенденций, но не могут сами избежать глубокого влияния со стороны модернистского проекта, который они даже продвигают, пускай невольно. Они не способствуют в реальности возвращению к пред-модерным формам жизни, несмотря на их активные усилия по восстановлению традиций. Если модернизация остановлена на одном уровне (так, неоконсерваторы пробуют повернуть культурные часы назад), его продолжающийся марш на других уровнях (расширяющаяся капиталистическая экономика) эффективно предотвратит любое возвращение к предмодерному состоянию». Таким образом, концепции Форнюса в определенной степени присущ оптимизм классической версии теории модернизации с ее верой в прогресс и необратимость прогрессивных изменений. Необратимость модернизационных трансформаций Форнюс пытается объяснить включением в социальные практики обучающих процессов, памяти, аккумулирующей человеческий опыт в артефактах, языке и других символических формах (3).

Проблематичным Форнюс считает предположение, согласно которому каждая стадия модернизации сводится к наступлению на древние домодерные формы и одновременной замене их новыми, в соответствие с которым модернизация превращается в простой кумулятивный процесс, в рамках которого старое последовательно превращается в новое. Здесь Й. Форнюс по существу присоединяется к концепции рефлексивного модерна, разрабатываемой в социологии, в частности. У. Беком (4), подчеркивая, что модернизировать действует также рефлексивно, сама по себе (т.е., то, что было свежим вчера, становится старомодным сегодня и может быть разрушено еще более новыми современными силами завтра). На более поздних стадиях

модернити, как полагает исследователь, происходит разложение не только предмодерных форм жизни, но также и тех современных форм, которые возникли на более ранних стадиях в результате компромиссов между старыми и новыми тенденциями.

Таким образом, в литературе произошел отказ от прежнего представления о модернизации как линейном процессе гомогенизации обществ, переживающих модернизацию. Процесс модернизации стал рассматриваться, скорее, как «перманентная революция, не имеющая предустановленной конечной цели» (Дж. Джермани). Была признана возможность многовариантного перехода от традиционного к современному обществу; получил распространение взгляд, согласно которому в процессе модернизации сохраняется значительная национальная специфика, а в результате сложного взаимодействия между традициями и новациями разнородность модернизирующихся обществ даже увеличивается.

1. Apter D.E. The Role of Traditionalism in the Political Modernization of Ghana and Uganda // *Political Development and Social Change* / Ed. by J.L. Finkle and R.W. Gable. N.Y.; L., 1966. P. 66—67.
2. См.: Gusfield J.R. Tradition and Modernity: Misplaced Polarities in the Study of Social Change // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) *Social Change...* P. 333-341; Redfield R. *Peasant Society and Culture*. Chicago, 1965; Редфилд Р. Большая и малая традиции // *Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире*. М., 1992. С. 200-201; Eisenstadt S.N. *Tradition, Change, and Modernity*. N.Y., 1973; Apter D.E. *The Politics of Modernization*. Chicago, L., 1965. P. 81; *Patterns of Modernity*. Vol. I: *The West*. Ed. by S.N.Eisenstadt. L., 1987; So A.Y. *Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories*. Newbury Park, 1990. P. 60—87; Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 69—70. Об эволюции теоретических представлений о месте традиции в процессах модернизации также см.: Осипова О.А. *Американская социология о традициях в странах Востока*. М., 1985; Лурье С.В. *Историческая этнология*. М., 1997. С. 170-207.
3. Fornäs J. *Cultural Theory and Late Modernity*. London, 1995. P. 22-27.
4. Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. М., 2000.

**Постникова А.А.
(Екатеринбург)**

**Отступление Наполеона из России: образы войны 1812 г.
в исторической памяти французов**